

**СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОЧЛЕННОЙ
АНТРОПОНИМНОЙ МОДЕЛИ
ИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА**

© 2022 г.

О.В. Шеверинова

Витебский государственный университет
им. П.М. Машерова
olsheverinova@yandex.ru

Центральное место в анализируемых художественных произведениях В.П. Астафьева занимает одночленная антропонимная модель, представленная личным именем, фамилией, отчеством и прозвищем. Доминирующее положение по частотности употребления занимает антропонимная модель «личное имя (в полной или производной форме)», которая транслирует разнообразный спектр субъективной оценки и воссоздаёт типичность разговорно-бытового общения. Для сферы официального общения типичным является употребление одночленной модели «фамилия». Вместе с тем фиксируется перенос способа именования по фамилии из официальной в неофициальную сферу общения. Прозвища выступают трансляторами социального мира с оттенком сатиры и иронии. Отчество репрезентирует разницу в возрастном статусе коммуникантов, указывает на более значимую социальную роль в обществе именуемого. Установлено, что одночленная антропонимная модель в художественных произведениях В.П. Астафьева характеризуются различной структурной и частотной представленностью и разной степенью инкорпорированности социосемиотической информации в содержательно-смысловой компонент модели именования действующих лиц.

Ключевые слова: художественный текст, ономастическое пространство, одночленная антропонимная модель, личное имя, фамилия, прозвище, социосемиотическая информация.

Согласно определению Е.С. Кубряковой, «текст являет собой образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания – к такого рода когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворе-

нию новых ступеней познания этого мира» [1, с. 81]. Художественный текст есть индивидуальная сложная знаковая система, отражающая реальную действительность, которая своеобразно преломлена и эстетически обработана в сознании автора. При этом одним из ключевых составляющих художественного текста и созданной автором вторичной реальности выступают имена персонажей. Они вводят героя своим многообразием видов и форм в социальную среду произведения, характеризуют социальную принадлежность персонажа, передают национальный и местный колорит.

Таким образом, целью данной статьи является выявление социоэстетической специфики функционирования одночленной антропонимной модели именования персонажей в творчестве В.П. Астафьева.

Обращение к изучению творчества В.П. Астафьева продиктовано его неоспоримым вкладом в развитие мировой и национальной литератур, принадлежностью его творчества к «золотому» фонду русской литературы. Значимость его произведений в раскрытии национально-культурной специфики подтверждается также многочисленными национальными и международными премиями, которыми автор был удостоены.

Методологический инструментарий составили дескриптивный и качественно-количественный методы, компонентный анализ, элементы статистического анализа.

Источником фактического материала исследования послужили такие произведения автора, как «Последний поклон», «Прокляты и убиты» и «Царь-рыба».

Антропонимный фонд исследуемых художественных произведений В.П. Астафьева составляют именованья героев, взятые автором из реального именника. Они отражают систему имянаречения, существующую в обществе: личное имя (официальная, неофициальная формы), отчество, фамилия, прозвище – и выполняют, в первую очередь, функции различения и индивидуализации. Реализация данных функций в художественных текстах осуществляется посредством структурных моделей именования (одночленная, двухчленная и трехчленная), которые закреплены в речевой практике носителей данного языка и выбраны автором в зависимости от коммуникативных задач, социального положения и выполняемых социальных ролей именуемого в соответствии с реальной коммуникацией.

Центральное место в данной системе занимает одночленная антропонимная модель (74.1%). По частотности употребления ядро системы формирует антропонимная модель «личное имя (в полной или производной форме)», доля объема которой от общего количества именованья

ний составляет 58.6%: *Аким, Андрюша, Василий, Володенька, Георгий, Герка, Гришианька, Кирюшка, Максимушка, Алексей, Родя; Акулина, Аленька, Валентина, Грунька, Дашуха, Екатерина, Лийка, Марьюшка, Оксана, Тая, Тосенька* и др. С постепенным удалением от центра располагаются одночленные модели «фамилия» – 27%: *Абросимов, Баратынский, Демченко; Ковалева, Мануйлова, Рассохина* и др., «прозвище» – 14.4%: *Грохатоло, Дамка, Ефим-хохол, Кандыба; Вуколиха, Михрютка-лярва, Танька-активистка, Тришиха, Федораниха* и др., «отчество» – 1.7%: *Донатович, Игнатъич, Касьяныч, Сергеевич, Соломонович, Хасьяныч; Гавриловна, Петровна, Феликсовна, Фимовна.*

Высокая частотность использования модели «личное имя» свидетельствует о воссоздании в произведениях неформальной сферы общения в рамках родственных или дружеских контактов, так как оно способно репрезентировать обширный спектр межличностных отношений благодаря его деривационным возможностям. Наиболее ярко данная закономерность проявляется в повести «Последний поклон», в которой описывается жизнь деревни Овсянка и ее жителей. Так, бабушка главного героя Вити – Екатерина Петровна, прозванная «генералом» за свой характер, упоминая о соседке, который был главой «буйного семейства», говорила: *«Когда вы с Левонтием все вино это клятве выжрете?»* [2, с. 17]. Отдавая распоряжения членам семейства, она обращалась к ним: *«Санька! Нинка! Митрей! Вовка! Данька! Толька! Таишыте посуду какую ишишо не перебили...* [3, с. 334].

Сам главный герой Виктор рассказывал о своих родственниках следующим образом: 1. *«Лия с Августой, должно быть, отправились доить корову и сунули Капу на печку»* [2, с. 278]. 2. *«В этой школе учился нележкой своей грамоте и столярному ремеслу мой любимый братан – Алешика»* [2, с. 214]. 3. *«Кроме мамы, двух моих сестренек, дяди Митрия, Ксенофонта-рыбака, покоятся там дедушка, бабушка, тетя Мария, дядя Ваня и его жена, тетя Феня, дочка Кольчи-младшего Лидочка и малый его сынок Володенька»* [3, с. 201]. О друзьях и товарищах вспоминал так: 1. *«Из-за косяка двери средней выглядывают Васька, Люба и Вовка – дети Шимки Верикова, всюду за ним ягнятами таскающиеся, и, показывая на них пальцем, Шимка пытается и не может выговорить»* [3, с. 268]. 2. *«Из толпы выхвачен Микешка – сын ворожеи и пьяницы Тришихи»* [3, с. 216]. 3. *«Дома у Тишки мать и старший брат Пашка – они из переселенцев»* [2, с. 99]. Такие гипокористические и демиинутивные формы личных имен являются показателем близких или родственных отношений между действующими лицами, передают разнообразный спектр субъективной коннотации и воссоздают типичность разговорно-бытового общения.

Использование фамилий в произведениях В.П. Астафьева, как правило, характерно для сферы различных трудовых и учебных коллективов. Так, герои произведения «Царь-рыба», состоящие в бригадах по промыслу рыбы, именуется по фамилиям: 1. – *Рыбинспекция, Черемисин. Вял?! [4, с. 184]. 2. Куклина, как полагают рыбаки, зацепило мотором за плац и утащило на дно [4, с. 134].* Учитель, при обращении к ученикам, использует тоже фамилию: *Ну что у тебя, Переудина? – недовольная тем, что ее прерывают, спросила учительница [2, с. 92].* Данная форма именованья используется, наряду с прозвищем, и в кругу одноклассников при упоминании учителей: *Мало что знаки непонятные, так на тебе, действия разделили линейкой, и цифры расставили в два ряда, да еще Цехин – учитель – не без гордости предупредил, что действие может растянуться до бесконечности [2, с. 81].*

Называние действующих лиц по фамилии выявляется и в армейской среде, что четко прослеживается в военной повести «Прокляты и убиты», посвященной событиям Великой Отечественной войны. Подтверждение социосемиотической значимости такой одночленной модели именованья мы находим в речи одного из солдат, где подчеркивается важность такого обращения для каждого из них из уст начальника: *И еще Зеленцову-Шорохову очень понравилось, что комбат помнит своих связистов пофамильно, рядовому солдату нравится, что его лично помнят, жалеют и берегут. Он от этого как бы вырастает в собственных глазах [5, с. 427].*

Однако следует отметить, что обращение по личному имени в армейской среде является нетипичным, сопровождается скрытым подтекстом и транслирует уже иную социосемиотическую информацию. Так, например, командир Зарубин, отдавая приказ об открытии огня по противнику и понимая при этом, что точность выполнения приказа и результат играют решающую роль для всего полка, кричит, обращаясь к солдату: *Анциферов! Федор! – позволяя себе фамильярность, почти умолял, просил майор Зарубин, – надо попасть» [5, с. 580].* В данном случае обращение к солдату по имени рождает личный контакт, превращая приказ в просьбу, выполняя которую человек способен пойти на смерть.

Именованье по фамилии в сфере неофициального межличностного общения может быть мотивировано стремлением говорящего обозначить принадлежность к определенному фамильному роду именуемого, например: 1. *Мужики у Потылицыных тоже неробкого десятка и силой не обделены [3, с. 198]. 2. Куда деваться, не к Болтухиным же, не к Вершкову нести? [3, с. 82].*

В случае, если участники коммуникации являются представителями одинаковых официальных и неофициальных социальных малых групп (бригада, соседская общность, школьный класс, дружеская компания и под.), наблюдается перенос способа именования по фамилии из официальной в неофициальную сферу общения, т.е. по аналогии, по привычке: 1. *Мореходов, друг мой верный!* [4, с. 24]. 2. *Леха Булдаков, работавший в паре со своими ребятами, Шестаковым и Боярчиком, точнее делавший вид, что он работает, говорил сержанту Финифатьеву, что, если тот не засечет фрицевского пулемета* [5, с. 444].

В некоторых случаях именование по фамилии имеет пейоративное значение. Так, например, в повести «Последний поклон» односельчане при упоминании жителей деревни Овсянка, зарекомендовавших себя как людей с отрицательными моральными и нравственными качествами, используют указанную модель для выражения осуждения, неприязни или нерасположенности к тому или иному человеку: 1. *Это скупердайд **Зырянов** постепенно заломал ее характер, научил копить деньги и добро, не особо привечать нашу большую, в ту пору приветную друг к дружке родню* [2, с. 181]. 2. *Народ, возбуждаясь, говорил, что **Вершкова** да **Болтухина** никакими книгами да законами не запугаешь, они сами же и сделаются особо уполномоченными, всех совсем разорят и все пропьют* [2, с. 29]. 3. *И то ли от ужаса, им пережитого, то ли от сознания, что колхоз собрать и спасти уже невозможно, стал **Колтуновский** с той поры попивать, и пропили-прокрутили-таки голубчики, овсянские труженики, колхоз имени товарища Щетинкина* [2, с. 163].

Прозвищные именованья в силу смещения своей идентифицирующей функции в сторону индивидуально-характерологической представляют социальный мир зачастую с оттенком сатиры и иронии. В повести «Царь-рыба» мы встречаем героя по прозвищу *Дамка*, которое он получил за свой причудливый смех, похожий на лай собаки по кличке Дамка. Он был легкомысленным, безответственным человеком, пропивал деньги, вел себя аморально и докучал жителям поселка. В силу этих причин все называли его не иначе, как Дамка, выражая тем самым свое негативное отношение к нему: *Дамку презирали, но терпели, забавлялись им, считали его да и всех прочих людей простодырками, не умеющими жить, стало быть, урвать, заграбастать, унести в свою избу, в подвал, в потайную яму со льдом, которая есть почти в каждом чушанском дворе* [4, с. 86]. В повести «Последний поклон» заведующую детским садом главный герой прозвал *Михрюткой-лярвой*, выражая с помощью этого прозвища свое недоброжелательное отношение к ней из-за ее непристойного поведения.

Установлена также иная социо семиотическая функция прозвищ. В случаях удачно подобранного социальным окружением номинанта прозвища оно становится предметом гордости человека. Так, в этом же произведении герой с «крутым нравом», повидавший и переживший многое в своей жизни, носит прозвище *Грохотало*. Он гордится своим характером, жизненным опытом и дает понять это близким и односельчанам: *Получив дурные известия, жена его заранее схоронилась в погребу, и, не сыскав ее, Грохотало схватил топор, изрубил в щепки комод, выбросил в окошко слишком громко, по его мнению, говорящий радиоприемник «Восток»* [4, с. 140]. Грохотало не только гордился своим прозвищем, но и считал необходимым постоянно «подтверждать» его.

По сравнению с личными именами, фамилиями и прозвищами продуктивность отчеств как одночленной модели именования характеризуется незначительными количественными показателями в произведениях В.П. Астафьева.

Функционируя в художественной ткани текста, отчество используется в качестве идентификации именования лица (в 5 случаях из 10) и лишено коннотативных значений: 1. *Соломонович мое отчество* [5, с. 169]. 2. *Парнишку того звали не Алексеем, а Платоном, и не Донатовичем, а Сергеевичем, и фамилия у него была Платонов* [5, с. 85].

В некоторых случаях отчество репрезентирует, во-первых, разницу в возрастном статусе коммуникантов, во-вторых, указывает на более значимую социальную роль в обществе именуемого, свидетельствует о почтении и уважении к человеку, к которому обращаются или о котором говорят. При этом именование по отчеству может заключать в себе добавочное имплицитное значение. Так, например, одного из героев повести «Царь-рыба» все жители деревни называли по отчеству «*Игнатьевич*». Он имел лучший в поселке дом, небольшой, но самый красивый, никогда и никого не унижал. Если пил, то только на свои и свое, совсем не курил, ловил рыбу лучше всех и больше всех, и это никем не оспаривалось, считалось законным, и никто ему не завидовал, и поэтому «*в поселке Чуш его звали вежливо и чуть заискивающе – Игнатвичем*» [4, с. 153].

Таким образом, одночленная антропонимная модель в художественных произведениях В.П. Астафьева характеризуется различной структурной и частотной представленностью и разной степенью инкорпорированности социо семиотической информации в содержательно-смысловой компонент модели именования действующих лиц.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст, структура и семантика. Т. 1. 2001. С. 72-81.
2. Астафьев В.П. Последний поклон. В 2 т. Изд. доп. и испр. М.: Мол. Гвардия, 1989. Т. 2. Кн. 2 (Продолжение). Кн. 3. 432 с.
3. Астафьев В.П. Последний поклон. В 2 т. Изд. доп. и испр. М.: Мол. Гвардия, 1989. Т. 1. Кн. 1. Кн. 2. 336 с.
4. Астафьев В.П. Царь-рыба. М.: Дет. лит., 2008. 429 с.
5. Астафьев В.П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2009. 800 с.

A ONE-COMPONENT ANTHROPONYMIC MODEL FOR CHARACTERS' NAMING IN CREATIVE WORK BY V. P.ASTAFJEV: SOCIOSEMIOTIC APPROACH

O.V. Sheverinova

Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»

V.P. Astafjev's creative work is generally based on a one-component model comprising a personal name, a family name, a patronymic name, and a nick name, to name the characters. A personal name model is of a high frequency to transfer the opinion and create a routine communication scenario while the formal condition requires the model 'Family name'. The shift in changing the communicative scenarios and using of the latter model in everyday communication has been detected. Nick names are used to reflect the social environment ironically and satirically, while patronymic names highlight age difference of communicators as well as the social rank of the named person. A one-component anthroponymic model for characters' naming in creative work by V.P. Astafjev reflects semantic and context peculiarities of the plot with frequent and endurance differences.

Keywords: creative work, onomastic area, one-component anthroponymic model, personal name, family name, nick name, sociosemantic meaning.